

Михаил Петрович Коршунов

Воспоминания

Бывшего начальника штаба
Бежицкого партизанского отряда
им. Виноградова

В О С П О М И Н А Н И Я

бывшего начальника штаба Бежицкого партизанского отряда имени Виноградова Михаила Петровича Коршунова.

ВЗРЫВ НА БОЛЬШАКЕ

I СОЗДАНИЕ ИСТРЕБИТЕЛЬНОГО БАТАЛЬОНА.

После митинга состоявшегося по поводу вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз, и выступления по радио 3-го июля 1941 года товарища Сталина, ко мне подошел работник цеховой бухгалтерии и сказал: "Звонили из горкома комсомола, просили, чтобы вы пришли туда к 6 часам вечера".

Я в то время был избран секретарем комсомольской организации инструментального цеха номер 3 завода "Красный Профинтерн" ныне ВМЗ.

В назначенное время прихожу в горком комсомола, секретарем которого был Лебедев.

Поговорив о состоянии дел в комсомольской организации цеха, о членях бюро цеховой организации, товарищ Лебедев сказал: "Вызвал я тебя, Михаил, по другому вопросу, но и то о чем мы поговорили не лишнее. Есть указание, сформировать в городе истребительный батальон. Сейчас многими организациями проводится работа по подбору туда людей. Так вот выбор пал и на тебя". Я пожал плечами. Если гожусь, если подойду, мне все равно служить придется. Хотя мне и выдали бронь в цехе, но по обстановке вижу, что она меня в цехе и на заводе не удержит.

"Но это только наметки, - говорит Лебедев - окончательно вопрос будет решаться в городском комитете партии. К семи часам вечера нам нужно быть там, пойдем".

В кабинете секретаря городского комитета партии уже шло то ли совещание, то ли заседание бюро. Поговорив о чем-то с товарищами сидящими с ним, секретарь горкома партии товарищ Гавриил

Маркович Лукапов, обратился ко мне: "Я надеюсь, что вы уже знаете зачем пригласили вы вас сюда, в курсы дел". "Да, мы уже с ним потолковали", - сказал секретарь горкома комсомола.

Ну тогда приступим к делу.

"Вы где служили?" В Киеве, в управлении пограничных и внутренних войск НКВД, ответил я. "Какое имеее звание?" Младший командир.

Вижу военком подает товарищу Лукапову, мое дело о прохождении службы в армии. "У вас бронь с собой?" говорит мне военком. Да со мной. "Давайте ее сюда. Мне задали еще ряд вопросов, поинтересовались составом семьи, спросили какие у меня будут просьбы.

"Ну на сегодня достаточно, поживем -увидим" - сказал товарищ

Лукапов, и обращаясь ко мне сказал - завтра же идите в штаб батальона и начинайте там разворачивать работу. Мы назначаем вас туда командиром роты". А как же с работой на заводе? - спросил я.

"Все будет сделано, зарплату будете получать в цехе, обо всем другом узнаете позже".

Создание истребительного батальона проходило под неослабным наблюдением и руководством городского комитета партии. Аналогичный путь проходили все командиры и политруки рот, все коммунисты и комсомолы батальона.

Беседы по отбору лучших проводились в партийных и комсомольских организациях, в парткомех и звякомех, в горкоме комсомола, в горкоме партии.

При подборе людей соблюдался принцип добровольности. Беседы проводились строго индивидуально. Колебавшимся или не уверенным в свои силы, представлялась возможность отказаться.

Наряду с проведенной организационной работой по созданию батальона, горком партии, командование батальона, политруки рот, систематически занимались партийно-массовой и воспитательной работой. И эта работа дала свои положительные результаты. Все

неустойчивые и колеблющиеся, попавшие в батальон, своевременно были отсеяны и к моменту выхода в лес, это был дружный и сплоченный коллектив, готовый на любые испытания.

Батальон в основном формировался только из рабочих заводов города, прошедших большую школу трудового и политического воспитания и являвшегося всегда, везде, и во всем авангардом. И что характерно, что в батальоне, а затем в партизанском отряде были: мастер мартеновского цеха Козин с сыном Алексеем, рабочий Пызин с сыновьями Николаем и Павлом, рабочий, участник гражданской войны Корявченков с сыном Володей и братом - слесарем завода Василием, Гришков с братьями Ильей и Виктором, электросварщик Кузнецов с сестрой Марией, рабочий Поляков с сестрой Полиной, мой меньший брат Анатолий и многие другие.

На завтра прихожу в расположение батальона, находившегося в центре города, на улице Майской стачки. Здание было пусто, чувствовалось, что его только недавно освободили и штаб батальона начал устраиваться здесь.

В комнате, куда я вошел, было немного народа. За одним столом сидел начальник штаба батальона Смирнов, работавший до этого начальником дома обороны, принадлежавшего добровольному обществу "Осовиахим", за другим столом напротив сидел исполнявший обязанности комиссара батальона Лукин Иван Борисович. Здесь же был и начальник хозяйственной части дома обороны Кейтлин Абрам Яковлевич, назначенный сюда, заместителем командира батальона по хозяйственной части.

Я отрекомендовался, они тоже в свою очередь представились мне. Здесь я узнал, что командиром батальона является Владимир Александрович Костин - сотрудник городского отдела НКВД. "Вы первыми из командиров прибыли к нам", сказал обращаясь ко мне Смирнов. "Давайте посмотрим списки товарищей, зачисленных в

батальон и приступим к формированию подразделений, которые будут именоваться у нас ротами. Есть указание формировать их в количестве 30 человек.

"Политруком у вас будет" - сказал обращаясь к нам Лунин - Локтихин Илья Васильевич, бывший работник органов НКВД.

В состав роты рекомендую зачислить коммунистов: Лавренова Владимира старого кадрового рабочего завода, участника войны с интервентами; Михалкина рабочего завода, активного корреспондента газеты "Бежицкий рабочий" (впоследствии избранный членом Орджоникидзевградского подпольного горкома партии)

В последующие дни были сформированы роты: вторая - Командир Коренков Иван Сергеевич, третья - командир Климов, политрук Лузачев, четвертая - молодежная, командир комсомолец Обьденников. В состав этой роты первыми были зачислены комсомолыш Дурнев, Зинов, Латышев, Леня Яник, Сима Кричевская, Колесников. Были созданы два самостоятельных отделения: отделение снайперов, куда вошли Гальпер, Рогожев, Симонов, Ларин, Цайтеров, Ликонцев, Апокин, Щербаков, командир отделения Корязченков и другие. Перечисленные товарищи до этого занимались в стрелковом кружке при доме обороны и зарекомендовали себя хорошими стрелками. И отделение подрывников-минеров, куда вошли Борис Горный, Анатоли Коршунов, Василий Поляков, Михаил Сергеевич, Григорий Сидоров, Латышев в последствии ставший предателем и другие.

В скорости в батальон пришло указание послать на специальные курсы по подготовке подрывников-минеров двух человек. Выбор пал на Бориса Горного и Анатолия Коршунова. По возвращении с курсов это были лучшие минеры, являющиеся старшими и возглавлявшие группы минеров.

Эти же курсы окончили Николай Меньшиков, Жорж Ильяхин, Владимир Волков, которые позже тоже были зачислены в наш батальон

Было создано одно санитарное звено, куда вошли: Маргарита Протопопова - старшая звена, звеньевые Аня Копченкова, Полина Полякова, Шура Скрементова. Никто из них специального медицинского образования не имел. Трое из них проходили ранее обучение в кружках "Российского общества Красного Креста".

Основной задачей перед батальоном в первое время стояло: обеспечить порядок в городе, следить за состоянием светомаскировки в городе в вечернее и ночное время. На период объявления тревог, запрещать всякое хождение по городу, людей направлять в бомбоубежища. Оказывать помощь в эвакуации жителей города, выявлять и выявлять ракетчиков, разного рода шпионов-диверсантов, паникеров и других.

Первое время бойцы батальона на ночь уходили домой, кроме дежурившей роты, с августа все перешли на казарменное положение, были оборудованы спальные комнаты. Питание было организовано бесплатно на фабрике-кухне, что располагалось рядом с батальоном.

Был установлен строгий режим дня: подъем, завтрак, занятия, обед, разные хозяйственные работы, ужин - после него бойцы уходили на дежурство, в наряды, караулы. У остальных было свободное время, но все равно никому из расположения батальона отлучаться не разрешалось. Да и время было такое, что и свободного времени не видели.

В батальоне было много бойцов, которые по ряду причин не проходили еще службы в армии. Предстояла большая работа обучить их военному делу. Начали мы с изучения уставов, изучения материальной части оружия. Много внимания уделялось строевой, физической и тактической подготовке. Хорошо, что рядом располагались два парка: парк имени 1-го мая и парк культуры и отдыха.

Занятия всегда начинались с политинформаций, которые проводили политруки рот. Они рассказывали о состоянии на фронте, о

положении в стране, зачитывались сводки информбюро.

Учебные стрельбы проводились из малокалиберных винтовок. Только снайперы и бойцы за которыми были закреплены пулеметы, из-за недостаточного количества боеприпасов к ним, произвели несколько боевых стрельб.

Из оружия в батальоне к этому времени имелось: один станковый и два ручных пулемета, семь винтовок СВТ, три револьвера системы "Наган", два пистолета системы Коровина. Ими были вооружены работники штаба батальона и командиры рот. Семь винтовок с оптическими прицелами - ими были вооружены наши снайперы. Десять отечественных винтовок, ими были вооружены политруки рот и некоторые бойцы. Все остальные бойцы были вооружены английскими винтовками по 30 патронов на каждую. Все оружие, в основном мы получили из дома обороны.

Имелось около 50 гранат РГД, более полсотни бутылок с горючей смесью № 1 и № 2. Они действовали с помощью больших зажигающих спичек, которые ставились по 2 штуки под резинки надетые на бутылки. Чиркнув о спички коробком и ударив обо что-то твердое, бутылка разбивалась, жидкость загоралась создавая большую температуру.

Впоследствии к нам поступили ручные гранаты "лимонки", корпус которых были изготовлены в чугуно-литейном цехе завода "Красн Профинтерн". Капсулы же к ним изготавливала Новозыбковская спичечная фабрика. Они состояли из минного детонатора в картонной оболочке со вставленным в него кусочком бикфордова шнура, конец которого был покрыт серой, которой кроит спички.

Чиркнув о спичечный коробок, загорался бикфордов шнур, после чего через 5-6 секунд взрывался капсуль. Сам корпус гранаты начинался дымным охотничьим порохом. Таких гранат было изготовлено 300 штук, но пользоваться нам ими не пришлось.

Однажды в сентябре месяце с Латышевым проводившим занятия с одной из рот, по правилам обращения с гранатой РГД, произошел такой случай. Рота разместилась во дворе. Латышев не имея учебных экспонатов, все приемы обращения проводил с боевой гранатой и капсулом. Рассказывая и показывая он взвел гранату и забыв, что она взведена, стал вставлять капсулу. Затем почувствовав, что капсула сработала, быстро вынул его обратно, руки развел в стороны: с гранатой в левой вниз, с капсулом в правой вверх. Через несколько секунд раздался взрыв капсула основательно повредивший кисть правой руки. Все произошло так быстро и мгновенно, что никто из бойцов, не успел даже привстать.

В конце июля месяца, когда формирование батальона в основном было закончено, в батальон пришли представители горкомов ВКП(б), и ВЛКСМ. Были собраны коммунисты и комсомольцы в отдельности. Начались собрания, на которых представители сообщили, что батальон является самостоятельной организацией в городе, что мы его члены сняты с учета в ранее состоявших организациях и что нам необходимо избрать руководящий состав партийной и комсомольской организаций батальона.

Секретарем партийной организации был избран Лунин Иван Борисович, секретарем комсомольской организации был избран Я. К вечеру того же дня, комиссаром батальона был назначен Лемешев. А Лунина назначили политруком в роту Коренкова. В августе месяце Лемешев допустив грубую ошибку, применив оружие к одному из задержанных подозрительных лиц, был отозван из батальона и комиссаром был назначен Петр Андреевич Рыжков.

① С первых дней, когда начались налеты вражеской авиации, в городе повисло много ракетчиков. Проявляли они себя в основном в вечернее и ночное время. В основном ракеты летели в сторону железнодорожного вокзала и завода "Красный Профинтерн" ныне ВМЗ.

Батальон получил указание усилить работу по вылавливанию ракетчи. Командование батальона разбило город на сектора и закрепило за ротами. В ротах по каждому сектору были определены наиболее важные места, куда по тревоге уходили наряды и посты.

Однажды по тревоге, я с группой бойцов вышел на Елецкую улицу, с которой по наблюдениям наших постов, систематически летели ракеты в сторону железнодорожного вокзала. Проходя по улице заметили, что из сада одного из домов вметнулась ракета. Мы тупа. В саду стояла будка на подобие пчелиного улья, из которой нас с лаем выскочила небольшая собака на привязи. Кроме в саду ничего и никого не было. Мы задумались, откуда могла появиться ракета, кто ее пустил?

Осмотрели все деревья - ничего подозрительного. Остановились у будки, собаку загнали туда. Николай Зинов случайно оперся о крышу будки и почувствовал, что крыша как будто очень легко сплывала. Думаем почему не прибита? подымаем крышу, заглядываем туда и видим. В ней скорчившись, сжавшись в комок вместе с собакой сидит человек. Так был пойман нами ракетчик, которого мы предварительно обыскав доставили в батальон, а затем в горотдел НКВД.

В другой раз чуть позже, бойцы одной из рот находясь во время тревоги в установленном месте, заметили, как над одним из двухэтажных домов взвилась ракета в сторону завода. Бойцы обследовали весь дом кругом. На крышу забраться было не по чем. Тогда они попытались проверить хода изнутри дома. Ход был найден только на чердак. Стали обследовать чердак. Обнаружили человека. Оказалось! Он для запуска ракет отодвигал в сторону один лист плоского шифера и в это отверстие выпускал ракеты. Он тоже был доставлен в горотдел НКВД.

Батальону в связи с участвовавшими случаями появления всякого рода подозрительных лиц, было дано указание осуществлять проверку

документов в поездах от Брянска до Жуковки и от Брянска до Дятькова. Каждый день одна из рот получала задание на проверку документов в поездах. На каждый вагон назначалось по три человека. Отдельные проверки проходили не безрезультатно.

В конце августа батальон получил указание готовить для себя в лесу базу, так как имелись предположения, что город придется оставить. Вражеские войска находились на подступах к области. На совещании командования батальона было сообщено о месте будущего лагеря и вручена карта пятиверстка этого участка. Ранее этого места никто из нас не знал. Решили, завтра же командирам рот во главе с начальником штаба Смирновым отправится на место и определить, где будут ротные землянки, штабная, санчасть, продовольственная и другие.

Избранное место стоянки было в Карачихе-Крыловском лесу, в районе именуемом "частанка".

Лес крупный, с чистыми просеками через каждые 500 метров, принадлежавший Брянскому лесохозяйственному институту как учебно-опытная база.

С одной стороны лес примыкал к реке Болва, с другой к населенным пунктам: Радца, Крыловка, поселок имени Урицкого. В трех километрах от лагеря по лесу пролегал грунтовая дорога. Когда-то это был большак Брянск-Жиздра. Эта дорога в четырех километрах от лагеря пересекала железную дорогу Брянск-Дятьково и проходила через железнодорожный проезд "Орловские дворики".

Было решено ротные землянки строить поодальше одна от другой, но не далеко от просек. В центре расположения ротных землянок, построить штабную, санчасть, склад для продуктов и другое.

Определились какая рота, кроме своей землянки будет работать на строительстве штабной и других подсобных землянок. Был составлен график, установлена очередность.

Первой к работе приступила первая рота. Ей было поручено кроме ротной землянки строить землянку для хранения продуктов питания. На период работы роты поочередно уходили в лес и находились там до окончания заданных работ. Первой начала строиться землянка-база для продуктов питания. Сделана она была за несколько дней, и в нее стали завозить продукты. За батальоном была закреплена автомашина, шофером ее был боец батальона Михаил Гудаков. Прогрузки завозились с баз города Брянска.

Ротные землянки строились в виде погребов с вертикальным лестничным входом, без окон. Вход закрывался крышкой размером около метра в квадрате. Крыша землянки делалась плоской, из бревна наката, сверху засыпалась землей и покрывалась дерном. Стены делались из соснового кругляка диаметром 100 миллиметров. С такого же материала делались по обе стороны нары, посреди был проход в котором стоял примитивный стол и печка из листового железа.

Штабная, медсанчасть, продуктовая землянка, землянка для бани, строились аналогично ротным, тоже в уровень с землей, только вход у них был сделан по иному. В торце землянки прокапывался пологий спуск и ставилась дверь как обычно в домах.

Таким образом к концу сентября все строительные работы в основном были закончены, завезено необходимое оборудование, имущество, продукты питания. Рота работающая последней осталась в лесу для охраны лагеря и больше в город не возвращалась. А батальон по-прежнему оставался на охране города. В сентябре месяце усилилась эвакуация жителей. Каждый день с станции Орджоникидзев уходили эшелоны с эвакуированными жителями, оборудованием заводов, детских садов, учреждений. К 20 сентября все семьи бойцов батальона были эвакуированы вместе с рабочими цехов заводов в которых они работали. Так что в последующей жизни в партизанских отрядах,

не беспокоила судьба наших семей.

В ночь на 1 октября батальону было поручено провести перепись населения в городе. К утру работа была закончена и установлено, что в городе находится около четырех тысяч человек, в основном жители частного сектора, проживающие в своих домах.

Когда же было установлено окончательно, что город будет нами оставлен, начальник штаба батальона товарищ Смирнов стал ходатайствовать об освобождении его от занимаемой должности, ссылаясь на плохое состояние здоровья. Его просьба была удовлетворена.

По решению вышестоящих органов, начальником штаба батальона был утвержден я, о чем объявил командир батальона Костин, в присутствии всего состава батальона.

Тогда же он сообщил, что в связи с отзывом его на другую, более ответственную работу, командиром батальона утвержден Александр Иванович Виноградов, начальник цеха завода "Красный Профинтерн". Помню тогда, познакомившись со всеми Виноградов сказал: "Что же ребята, послужим?!" И все хором ответили "послужим".

Вот как отзывался о Виноградове работавший с ним Белов.

"С Виноградовым я познакомился в мае 1922 года на заводе "Красный Профинтерн". Он в то время работал токарем, а я слесарем по ремонту оборудования в ремонтно-механическом цехе. Виноградов был жизнерадостным, веселым парнем, любимцем коллектива". Внешность обыкновенная, средний рост, приятное лицо, улыбочные карие глаза, чистый лоб, на голове черные с гладкой прической волосы. Спокойный, выдержанный, всегда внимательный к людям. Он никогда не зазнавался в коллективе, был трудолюбив, добросовестен, честен и прям. Одним из первых сумел успешно совмещать работу с учебной в техникуме.

От токаря по металлу он вырос до мастера, начальника цеха. Начальником цеха Виноградова назначили в 1930 году, я был назначен его заместителем.

Работал он жадно, болел за производство, бывали случаи, что сутками не выходил из цеха.

Через два года начальником цеха был утвержден я, а Виноградов был переведен начальником в машиносборный цех № 3. Но и работая в разных цехах мы все равно советовались и многие производственные вопросы решали вместе".

Машиносборный цех № 3, которым он руководил, долгое время держал переходящее Красное Знамя. Оно оставалось за цехом и в 1941 году. Мне было приказано командование ротой передать Михаилу Гудакову. Вечером состоялось комсомольское собрание, на котором секретарем комсомольской организации батальона, вместо меня, в связи с назначением на должность начальника штаба был избран Владимир Симонов.

Приняв дела я вместе с Виноградовым на второй же день выехал в лес для ознакомления с ходом работ, так как они еще не были закончены и к тому же ознакомиться с расположением роты и всех других землянок. Тогда же мне Виноградов сказал, что возможно к нам придут некоторые работники горкома партии, горисполкома, горотдела НКВД и что нам надо будет построить для них землянку.

4 октября Виноградова, Рожкова и меня вызвали в горвоенком где нам сообщили, что бои идут за Орел, что немцы продвигаются в сторону города Брянска и что на днях нам придется с ними встретиться. Нам сообщили, что разработан план уничтожения важнейших коммуникаций, которые могли бы быть использованы немцами. В частности батальону на случай ухода было поручено уничтожить здание, в котором мы располагались, фабрику-кухню, кинотеатр. Воензированной пожарной команде завода "Красный Профинтерн" поручалось уничтожить цех завода, дворец культуры и ряд многоэтажных домов в центре города. Там же мы узнали, что в лесу к нам примкнут группы и отряды, которые созданы в окрестностях города. Военком сказал:

"Пока места расположения вашего они не знают, но в последние минуты им будет сообщено. Так же вместе с вами выйдет в лес объединенный отряд милиции и военизированной пожарной команды завода. В тот же день штаб проводит общее собрание батальона, на котором комиссар Рыжков рассказал о положении в стране, о том, что немцы находятся на территории области.

После собрания состоялось совещание с командирами и политруками рот. Выступил Виноградов, рассказал о предстоящих делах, заслушали сообщения командиров о готовности рот. Батальон был приведен в полную боевую готовность. Под вечер Виноградов выехал в лес, чтобы проверить состояние готовности лагеря и дать указание остающейся там роте.

В последующие дни вести поступали одна тревожнее другой. Но настроение в батальоне по-прежнему оставалось бодрое, никто ни малейшим образом не проявлял тревоги за будущее. Во всем этом сказывалась работа наших политруков рот.

6 октября к вечеру узнаем, что город Орел оставлен нашими войсками, что немцы уже под Карачевом. Вечером Виноградов и Рожков в последний раз побывали где-то на совещании и очевидно получили последние указания.

А в городе стояла абсолютная тишина, улицы и дома были пусты, ночью стояла крошечная тьма. Только видны были далекие вспышки огня, доносился гул артиллерийской стрельбы и разрывы снарядов.

7 октября, позавтракав, каждая рота направила по несколько человек в указанные штабом места, чтобы быть в курсе разворачивавшихся событий. К двум часам дня в штаб поступили сведения, что будто бы в Брянск зашли немцы и что возможно к вечеру их разведка направится в Бежицу. К этому времени батальон был весь в сборе, бойцы находились в столовой на обеде.

Штаб батальона принял решение сделать засаду на окраине

города у дороги идущей из Брянска в Бежицу. В батальоне была объявлена тревога. Перед строем выступил Виноградов.

Рассказав об обстановке и решении штаба, он отдал приказ выйти за город в направлении Брянска и занять оборону. На охранения штаба было оставлено несколько человек, все вышли в усталенное место. Туда же прибыл и объединенный отряд милиции. Они заняли место на окраине города справа от дороги идущей из Бежицы в Брянск, одна наша рота с лева. С нею находился комиссар батальона Рожков. Остальные роты вместе с Виноградовым заняли оборону у моста через реку Десну. Я, забрав снайперов, гранатометчиков и человек 15 бойцов занял оборону за рекой Десной у Городишенского поворота у Первомайской улицы. Снайпера, комсомольцы Симонов, Пайтедов, Корявченков расположились в саду одного из крайних домов, откуда им хорошо была видна дорога, спускающаяся из Городища к повороту на мост через Десну. Гранатометчики комсомольцы Сидоров, Апоки Поляков заняли место под небольшим деревянным мостом, служившем для пропуска талых вод из оврага к реке.

Перед ними стояла задача, забросать ручными гранатами РГД транспорт на котором возможно будут немцы. Мы уже знали, что и разведка пользуется мотоциклами с коляской, или легкими машинами. Снайперам было дано указание стрелять по водителям транспорта. Бойцы расположились цепочкой вдоль всего поворота в 30-40 метров от дороги.

Примерно в пятом часу вечера из Городища спускаясь вниз по дороге показалась бронированная машина (легкая танкетка). Не доезжая метров 20-30 по мостика, где находились гранатометчики остановилась. С этого момента очень хорошо была видна Бежица. Открылся люк машины и из него наполовину показался немец. Он прижал к глазам бинокль. Раздался выстрел одного из снайперов. Этот выстрелил комсорг батальона Симонов. Немец вскинул руками и по

на край башни. В это время полетели гранаты и раздалась винтовочные выстрелы. Это стреляли по машине, бойцы залегшие у поворота.

Одна из гранат очень удачно взорвалась между передними колесами машины, под мотором, и тут же через какое-то малое время выскочили из своей засады гранатометчики и побежали к машине. Поднялись и побежали несколько бойцов, находившихся ближе всех к машине, вместе с ними побежал и я. Мы еще не добежали, а уже ребята к нам навстречу. "На товариш начальник штаба, получай первые трофеи" и подали мне немецкой автомат, который тут же окрестили "козой".

Даю команду отойти всем к мосту через реку Десну. Навстречу к нам Виноградов. Нас окружили бойцы рот, занимавших оборону у моста. Завязались было распросы, разговоры, но вдруг кто-то крикнул "смотрите" и показал рукой в сторону дороги спускавшейся с горы от Рославльского шоссе.

Подаю команду ротам занять оборону на дамбах с левой и правой сторон моста. Гранатометчикам укрыться у моста и как только машина въездет на мост, забросать гранатами. Дамбы были для нас хорошими укрытиями. Всем хорошо была видна и дорога и мост и река. Я расположился недалеко от гранатометчиков у моста метрах в двадцати от меня с другой стороны дороги, на правой дамбе залег Виноградов. Слышу он кричит: "Без команды не стрелять". Солнце уходило за горизонт и всем, кто находился с правой стороны дороги слепило глаза. Бойцы перебегали с места на место выбирая удобную позицию. "Прекратите безотню" - раздался голос Виноградова. Все залегли, наступила тишина.

А с горы медленно спускаясь, объезжая рывины, и ямы ехала грузовая машина. Вот она уже в полкилометре от нас. Определяем, машина наша русская. Подъехав к мосту, машина остановилась и из кузова выскочило несколько бойцов нашей армии. Кто-то крикнул "Свои"

Некоторые бойцы было привстали, но Виноградов крикнул "Лежать". А армейцы вышли на мост и направляясь в нашу сторону, стали осматривать одну и другую стороны моста. Виноградов, очевидно, видя что нам ничего не угрожает, встал. Встал и я, и мы, как по команде, направились в ним на мост, навстречу идущим.

То были бойцы тылового охранения. В их задачу входило, взорвать мост через реку Десну, потом через реку Болву, выехать на Жиадринский большак и следовать в сторону населенного пункта Улемль. К нам подошли командиры рот и несколько бойцов. Виноградов говорит им: "Выделить по 5 человек бойцов, в помощь армейцам для подрыва моста". Многие бойцы сразу изъявили желание. "Мы пойдем" крикнули гранатометчики. Даем указание командирам рот отвести бойцов к роте расположенной у дороги на въезде в город, а групп бойцов человек пятнадцать оставляем с армейцами.

Оставив часть взрывчатки на той стороне моста, машина переехала на эту сторону и выгрузив еще часть взрывчатки, вслед за нами подъехала к городу.

Через полчаса раздался один за другим два взрыва, вспыхнул огромное зарево, тон наши бойцы вместе с армейскими саперами взорвали мост через Десну. Вернулись в расположение батальона поздно вечером. Все были в приподнятом настроении. И долго еще бойцы собравшись в комнатах обсуждали минувшие события.

Виноградов собрал весь командно-политический состав батальона на совещание. Поговорили о прошедшем бое, поделились впечатлениями отметили свои недостатки. Приняли решение, завтра же уходить влево. На ночь усилить охрану батальона, выслать усиленный наряд на дорогу идущую из Брянска в Бежицу и на железную дорогу к мосту через реку Болва. "Завтра по уходу, - сказал Виноградов - было указание поджечь помещения нашего батальона, фабрику-кухню, кино-театр". Это поручили сделать нашей группе минеров-подрывников.

Утром 9 октября, в последний раз позавтракав на фабрике-кухне, батальон начал построение и окончательные сборы в лес. Все тяжелое: пулеметы, боеприпасы, горючую смесь, взрывчатка, часть необходимого имущества и другое погрузили на машину. Все легкое забрали с собой. Батальон строился прямо посреди улицы против здания батальона и фабрики-кухни.

Когда все было готово к отправке, к строю подошел парень лет около 25, в легком пиджаке, белой рубашке на распахну, с санитарной тугой набитой сумкой на плече. Спрашивает "Ктоз здесь старший?" Бойцы указали на меня. Он подошел ко мне, поздоровался и сказал. "Товариш начальник, возьмите меня с собой. Я врач, в июле окончил Смоленский медицинский институт, направили в Бежицу. В начале меня направили в медсанчасть завода "Красный Профинтерн". Теперь там делать нечего, завод пуст. Пошел в больницу, там никого нет. Это для меня большое счастье, что я встретил вас. Возьмите меня, обижаться не будете".

Близу парень говорить откровенно, чуть не со слезами. Решать вопрос о его приеме не было времени. Я взглянул на подошедших к нам Бинограпова и Рыжкова, те уже слышали наш разговор и я по глазам их понял, что берем. Ладно говорю ему. Или становись в строй, вот там в конце. Там наше санитарное звено и крикнул старшей санзвена. Протоппова! К вам пополнение, примите.

То был Иван Тихонович Батинин, оказавшийся и хорошим врачом и хорошим бойцом, которому я обязан всю свою жизнь. Только ради его стараниям и любви к народу многие из нас продолжают жить и работать.

Подошли две девушки, что обслуживали нас на фабрике-кухне, тоже усердно начали просить нас взять их с собой. Мы им разрешили стать в строй. Таким образом, в строй находилось кроме роты, которая была в лесу 102 человек.

В одиннадцатом часу дня мы покинули город, оставив группу подрывников для выполнения последнего задания. Подойдя к месту, называемому "Власовой будкой", что расположена втрех километрах от города, мы остановились, сделали десятиминутный привал. Все устремили взор на город, а он был весь окутан дымом. Горели заводы по обе стороны города, горел центр города.

Виноградов, Рыжков и я сняли головные уборы, глядя на нас, как по команде, сняли головные уборы бойцы. И чувствовалось, что каждый мысленно прощался с городом, любимым домом, родными и близкими, со всем тем, ради чего мы жили, работали, учились. Это были очень тягостные минуты молчания, у многих на глазах показались слезы.

Виноградов окинув всех глазами сказал: "Я верю друзья, что мы вернемся в наш родной город, не может быть, чтобы мы не вернулись. Наша страна огромна, у нашего народа много сил". "У нас могучая партия" - сказал Рыжков, под руководством которой наш народ отстоял завоевания в октябре 1917 года, в годы интервенции, в годы мирного строительства".

"Так поклинемся товарищи, - продолжал Виноградов, - что будем честно служить родине, народу, партии воспитавшей всех нас, что не побоямся никаких трудностей, которые встанут на нашем пути, что будем бить врага, где бы он с нами не встретился. Клянемся! И все сразу ответили "Клянемся".

После этого Виноградов вынул из полевой сумки, висевшей у него на плече, переходящее Красное Знамя, которое долгое время держал руководимый им коллектив машиноборного цеха № 3, сказал: "Это знамя, символ трудовой славы, станет нашим символом боевой славы. Пусть оно и впредь зовет нас на ратные подвиги. Будущее принадлежит молодежи, и я уже вручаю это знамя нашей молодежной роте. Храните его как зеницу ока.

Так почти стихийно батальон принял клятву на верность Родине и двинулся дальше в путь.

Вся вторая половина дня ушла на благоустройство землянок, создание уюта, приготовление пищи и другие хозяйственные работы.

На второй день после завтрака у штабной землянки собрался весь командно-политический состав батальона на совещание. Вначале Виноградов заинтересовался, как устроились, как спалось. Затем приступили к вопросу организации охраны лагеря. Где, каким ротам выставить посты днем и ночью. Каким образом держать связь штаба с ротами. Условились, что связным от штаба будет комсомолец из молодежной роты Владимир Дворянчиков. Командиры рот назвали фамилии своих связных от рот.

Так же договорились—никакого хождения по лагерю. Не создавать торных тропинок, избегать всякого шума в лесу, костры разводить только при наступлении темноты. В местах приготовления пищи избегать дыма. Заготовить сухого валежника.

Командирам рот было дано указание обследовать всю местность вокруг землянок на расстоянии более километра. Поговорили о расходе продуктов с базы и других житейских делах. На базе тогда имелось более 300 мешков сухарей, 5 тысяч банок мясных консервов, с полсотни мешков различных круп: гречневой, пшеничной, риса, манной, перловой, около 30 мешков муки, 20 мешков сахарного песка, 3 бочки сельдидки, стуженное молоко, конфеты, печенье, 2 бочки растительного масла, литров 30 спирта.

На следующий день в штаб поступило сообщение о том, что в лесу недалеко от ж.д. разъезда Орловские дворики расположена какая-то воинская часть. Поговорив с Виноградовым, я взял с собой нашего хозяйственника Кейтлина и врача Батюнина. Мы хотели достать у них оружия, боеприпасов, взрывчатки, медикаментов, которых у нас кроме нескольких пакетов бинтов и немного йода, не было. Эту часть отыскали. Оказалось это подразделение ветеринарной службы. Оно остановилось не надолго и готовилось уходить.—А вот куда,—сказал их старший,—не знаем. Не знаем что где делается. Я рассказал им кто мы, зачем пришли, посоветовал идти в сторону Улемля, т.к. встретившиеся на днях красноармейцы говорили, что они держат путь тоже на Улемль. Потом он дал указание своим бойцам выдать нам всё, что мы подберём. Батюнин с бойцами пошел к их палаткам, а мы к ж.д. разъезду. На разъезде под охраной часового стояли 2 вагона. В одном было десятка два винтовок, патроны, гранаты, бутылки с горючей смесью. Нам разрешили взять всё, что нужно и подальше отнести в лес, потому что они имели приказ при отходе всё уничтожить. Мы взяли всё, что могли и таким образом пополнились оружием и боеприпасами. К вечеру всё отобранное было доставлено в расположение отряда и распределено.

по ротам.

В этот же день к нам пришла группа во главе с командиром Шпадревым и политруком Борисенковым. Она была сформирована для выполнения ряда заданий и после этого получила приказ объединиться с нами. Мы разместили её в землянке, которую строили, как баню. С этой группой пришли Гавриличев Г.Г., который впоследствии был избран секретарём Бежицкого подпольного горкома партии, Кузнецов А.И., Шатов Н.Н., Пертов В., Луханин и ряд других рабочих завода.

Пришла к нам и другая группа, которая формировалась в Городище и которую мы потом так и называли Городищенской. Её командиром был Мирошкин, политруком - Сорокин. Группу разместили в землянке первой роты Гудакова, а эту роту в землянку, которую называли горкомовской.

Через 2 дня после прихода нас в лес, в штаб пришел командир милицейского объединённого отряда Денисов с бойцом, который стал связным. Я пошел с ними, чтобы познакомиться с их составом и местом расположения, взяв с собой связного Дворянчиков. Место стоянки они выбрали неудачно, всего в километре от большака Брянск-Лиздра. Землянка была построена по типу наших, только имела длинный зигзагообразный, накрытый сверху ход и короткий запасной выход, загороженный внутри землянки и замаскированный снаружи. Когда по большаку проходила немецкая техника, в землянке все было слышно и попервости курящие ребята, кашляя закрывали рот, шапкой.

Отряд был вооружен отечественным оружием, многие имели наганы. Имелся станковый и ручной пулемёты с патронами. Помощником командира отряда был Л. Журавлёв, комиссаром - Каменев.

11 октября к нам пришел отряд, сформировавшийся в совхозе "Красный кооператор" под командованием директора этого совхоза А.С. Горбачевым. Комиссаром отряда был Брук. Отряд расположился в километре от штаба у просеки, проходившей от Лиздринского большака на дуг к р. Болве. Землянку они сделали не глубокую, с покатою на обе стороны крышей в виде шалаша.

Присоединилась к нам и группа армейцев под командованием лейтенанта Смертина, которая попала в окружение. В ней были и гражданские лица, не попавшие в армию, но горящие желанием бороться с врагом. Среди них были М. Евтеев и Ж. Ильяхин.

На третий день своего пребывания отряд по собственной инициативе вышел на Лиздринский большак и обстрелял немецкую автомашину. Побив немцев, а их там было около 10 человек, партизаны забрали оружие и всё, что было в кузове, а машину подожгли.

К вечеру Горбачев с политруком пришел в штаб и с гордостью сказал: — Что вы тут сидите? Мы уже действуем! И показал некоторые трофеи. Виноградов попросил рассказать всё по порядку. Рожков слушал, слушал и говорит: — Сволочи! Вы своими действиями можете погубить весь отряд. Ведь вы же действовали на просеке, которая проходит через весь лагерь. Обожди, комиссар, прервал его Виноградов и, обращаясь к Горбачеву попросил продолжать. Но тот уже понял, что допущил оплошность. Дальнейшего разговора не получилось. После некоторой паузы Виноградов сказал: — Хорошо, что у вас есть ненависть к врагу. Хорошо, что ваши товарищи действовали смело. Но действовать надо обдуманно. А ваши действия могут принести вред. Хорошо, если всё обойдётся благополучно, а если нет, вы будете отвечать. Мы пришли сюда не на неделю, не на месяц. Мы должны беречь свои силы и людей и не ввязываться в бой бездумно. И впредь вам говорю, если хотите действовать, выбирайте место подалеже от лагеря. Даже волк не крадёт там, где живёт. А вообще я запрещаю всякие действия без ведома штаба. А теперь идите.

Только они ушли, в штаб вошли командиры рот Шпадырев и Коренков. Слышали? Горбачевы уже действуют. А когда же мы?

Слышать то слышали, а вот обдумать всё до конца не успели, — сказал Виноградов. Будет и на вашей улице праздник. Рановато нам лезть в бой. Наша задача — разведка и передача сведений о местах сосредоточения немцев, их техники в армейский штаб. Во вторых наша задача взрывы на дорогах, уничтожение врага в местах его размещения, нарушение связи.

На другой день штаб собрал совещание командиров, комиссаров и политруков всех подразделений. Виноградов объявил, что мы будем называться Орджоникидзевградским объединённым партизанским отрядом, а роты, группы и отряды будут именоваться партизанскими отрядами Гудакова, Коренкова, Климова, Обьдённикова, Шпадырева, Мирошкина и т. д. Перед командирами была поставлена задача начать глубокую разведку по каким дорогам двигаются немцы, какая у них техника. Расквартированы ли они в ближайших к нам населённых пунктах, где, сколько? Условились, какой отряд и куда будет в ближайшие дни послать разведку.

Временно запрещалось открыто вступать в бой с противником. Но, несмотря на запрет, многие отряды продолжали делать засады на большаке, в результате иногда вспыхивали бои.

16 октября жизнь в лагере началась, как обычно. Сменялись посты, одни уходили в разведку, другие отдыхали после ночного дежурства. В 15-ти метрах от отрядной землянки Климова, в приспособленном месте две девушки готовили завтрак. Рядом стоял партизан Аниканов, охранявший землянку партизан Артамонов. Пищу готовили два раза в сут-

к 10-ти утра и 5-ти вечера. Друг из за кустов на него накинuloсь несколько немцев. Один из них нанёс удар штыком в живот Аниканова. Девушки, готовившие пищу, и Артамонов аркнули в земляничных кусты и бросились бежать. Немцы открыли по ним огонь. Находившиеся в землянке затаились. Услышав выстрелы, постовые отрядов Обидёникова и Горолиценского подняли бойцов по тревоге. Первыми в бой вступили городищенцы. Аниканов с большим трудом добрался до штабной землянки. Его доставили в санчасть. Лагерь поднялся по тревоге. В штаб прибежали связные отрядов. Выяснив обстановку, штаб дал указание отряду Гудакова продвигнуться к месту боя и поддержать ведущий бой товарищей. Остальным отрядам отойти от землянок, занять оборону и ждать дальнейших указаний. Часам к 4 вечера оставшиеся в живых немцы покинули лес. Позже мы узнали, что через деревню Багрино немцы провозили на лошадях убитых и раненых.

Вечером мы установили трагедию гибели наших в землянке. Немцы окружили её. Никто не пытался выйти. Немцы бросили туда гранаты. От их взрыва загорелись бутылки с горючей смесью, стоявшие под лестницей. Находившиеся в землянке люди задохнулись. В углу на нарах сидел партизан Куксин в противогазе. Но противогаз не спас его. Остальные кто на спине, кто на животе лежали на нарах. Хотя землянка уже более часа была открыта, находиться в ней даже несколько минут было невозможно. Оставшаяся тем гарь вызвала слёзы, было трудно дышать. Оружие вынесли, мёртвых аккуратно уложили на нарах и землянку засыпали землёй. Оставшихся в живых распределили по отрядам. Отряд Климова перестал существовать.

На третий день от начавшегося воспаления брюшины Аниканов умер. В наших условиях спасти его было невозможно. Его схоронили в лесу недалеко от штабной и санитарной землянок.

Выяснилось, что немцев привёл в лес Латышев. Об этом сказал Аниканов, который видел его среди немцев, напавших на него. Когда мы уходили в лес, Латышев попросил разрешить ему остаться в городе. — У меня болит рука, — говорил он. Немного полечусь, заодно и разведая, что и как, и приду в лес. Мы согласились. И вот он пришел в лес не бойцом, а предателем.

Было принято решение убить его. Несколько раз для этого в город ходили бойцы. Но Латышева нигде не могли встретить. Подлый предатель узнал, что от возмездия ему не уйти. И он не ушел. Партизаны отыскали его. Состоялся суд и его повесили.

После нападения немцев на эту землянку роты поочередно, чуть ли ни каждый день устраивали засады на Ездринском большаке, обстреливали мелкие группы немцев, одиночные машины.

Мне запомнился бой вскоре после засады горбачевцев. Штаб решил взять от каждого отряда по 5-и бойцов и 2-х командиров и этой группой сделать засаду на большаке. Это были своеобразные учения, как действовать при встрече с мелкими группами противника. Командовать операцией поручили мне. Стоя немного от лагеря, я остановил группу, в которой было около 40 человек, и начал объяснять, как будем действовать. Первым открывать будет огонь тот фланг, мимо которого проследует противник и будет примерно против центра засады. К большаку подошли осторожно, перешли на другую сторону и залегли в 15-20 метрах от него. Командиры Шпадырев и Обдённико были на флангах, я - в центре. Фланги находились метрах в 100 друг от друга.

Пролежали более часа. Слышу шум машин с левого фланга. Передаю на фланги: - Стя не открывать. Прошло 8 машин. Немцев на них не было, или было мало. - Эх, подумал я. Если бы были бойцы отделения, с которыми я служил в армии! Можно было бы наверняка открывать огонь и он принес бы успех. А сейчас со мной лежали люди не обстрелянные, почти все, за исключением командиров, не служившие в армии, люди, которых я мало знаю и не знаю их способностей.

Пролежав еще минут 15-20, слышу шум с того же фланга только теперь одной машины. В голове мелькнула мысль: наверное оставшая и немцев на ней будет мало. И чуть ли ни кричу: - Передайте на левый фланг - по этой стреляем. И не сдержавшись, сам первым даю очередь из СВТ. Машина сразу заглохла но, продолжая движение начала сворачивать в нашу сторону, медленно съехала на обочину дороги и стала. А в это время ребята, кто в упор, кто издалека стреляли по ней. Подаю команду прекратить огонь. Но он сразу не прекращается, он продолжается еще несколько минут. Потом всё стихло. Мы побежали к машине. Лобовое и боковое стёкла машины, капот машины, как решетот. Ребята вытащили из кабины двух немцев, обшарили, забрали оружие и документы и оттащили в лес. Больше в машине ничего не было. Мы подожгли бензин, вытекавший из бака, бросили в кабину бутылку с горючей смесью и, перейдя большак, пошли к лагерю.

Дорогой слышу разговор. - Ты сколько раз выстрелил? - спрашивает один. - Семь, - отвечают ему. - А я 5. - Я тоже 5, говорит третий. А я подумал, сколько патронов было израсходовано на двух немцев и автомашину. Спустя полгода группа в количестве 15-20 человек при таких же обстоятельствах расходовала 2-3 патрона. Вот во что обходилась наша неопытность в начале войны.

Когда партизаны ходили в город, чтобы расправиться с Латышевым, они узнали, что немцы проводят регистрацию жителей и об

из леса. Когда всё стихло, у штаба начали собираться командиры отрядов. Было принято решение сегодня же ночью уходить ибо немцы на этом не успокоятся и, вероятно, завтра же можно ждать более массированного удара. Каждому отряду было приказано забрать с собой с базы по 2 мешка сухарей, полмешка крупы, по ящику сливочного масла, на каждого по банке мясных консервов, а также сахар.

В этот же день в штаб прибыл связной от Виноградова и сообщил, что место избрано, можно перебазираться. Предстояло переправиться через р. Болву, идти на Шибинец, а затем к Круглому озеру. Первыми переправили раненых, больных и девушек. Ранеными были Мирошкин, Пузачев и Анатолий Ковинунов.

Переправлялись в темноте на лодке. Вместе с первой группой переправились комиссар отряда и проволочник. Одна лодка не успевала и стали делать плот. Переправляться стали намного быстрее, но все же это дело затянулось. Шел уже второй час ночи 6-го ноября. Переправившиеся во главе с комиссаром тронулись в путь. Но вот перебрались последние бойцы и я вместе с ними. На берегу никого не было и мы двинулись вслед ушедшим.

В старом лагере остались только отряды Горбачева и Денисова. Их землянки находились далеко в стороне от основного лагеря. При появлении немцев они могли уйти незамеченными не принимая боя.

К рассвету голова нашей колонны вышла с лугов на поля левее д. Шибинец. Перед нами был противотанковый ров. Спускаться в него было нетрудно, а вот выбираться пришлось становясь один на другого и с помощью связанных поясных ремней. Так же поднимали продукты и пулемета. Переправившиеся сразу же направлялись через поле в лес. Строй опять растянулся. Если бы нас обнаружили немцы, им не трудно было бы расправиться с нами. Но этого не случилось. Углубившись в лес, сделали привал. Многие упали как подкошенные и вскоре весь отряд спал.

На новую стоянку прибыли уже в сумерках. Нас встретили Виноградов и бойцы отрядов Гудакова и Шадырева. В их землянках разместили раненых и девушек. Остальные провели ночь под открытым небом без костров.

На утро весь объединенный отряд был построен для проведения митинга в честь 24-ой годовщины Великого Октября. На митинге выступили комиссар Рыжков и командир Виноградов. После митинга, наскоро позавтракав, приступили к строительству землянок. Возле землянок Гудакова и Шадырева построили штабную, чуть поодаль - землянку молодежной роты Дурнева. Остальные землянки строили на большом расстоянии от штаба, Городищенский отряд - в 2-х километрах от штаба. Отряды

Смертина и Берндта, Шапкоуо и Климова решили обосноваться в Улемьской даче, где раньше разместился отряд стальной завода под командованием Д. Г. Пуклина.

Вот что мы узнали позже о событиях в оставленном нами лагере. Утром 7 ноября, тщательно подготовившись, немцы вновь начали блокировать наш бывший лагерь. Теперь они призвали на помощь более мощную технику. С рассветом из деревни Чапковичи и посёлка Радина-Криловка ударила артиллерия. С Виздринского большака-миномёты, над лесом закружились самолёты. После 30-ти минутного обстрела немцы лавиной двинулись в лес. Они разрушили все землянки, включая продовольственную, забрали сливочное масло. Банки с консервами они побили, смешав их содержимое со стеклом. Всю землю в лагере они усыпали мукой, крушой, сахарным песком, вытряхнутыми из мешков, хранившихся на базе. Селёдку, печенье и конфеты они облили бензином и керасином, который был предназначен для освещения землянок.

Ни одного партизана они не нашли. Остававшиеся два отряда как только начался обстрел, ушли в сторону Орловских дворишек и в зону обстрела не попали. Затем они ушли к Крапивне и на место стоянки пришли только в декабре.

Через неделю на место разорённого лагеря ходили наши бойцы, сгребали, что могли, и из этого мы готовили пищу. Другой базы у нас не было, а связи с населением мы ещё не установили.

Примерно 10 ноября состоялось заседание парткома объединённого отряда. В его решении, которое было доведено до всех партизан, говорилось: "Мы, коммунисты, оставшиеся в тылу врага, являемся представителями нашей великой партии. Мы должны разъяснить населению временно оккупированной территории, цель нашей борьбы, вселять уверенность в победе русского оружия. В решении было сказано о необходимости расставить своих людей на посты старост и мельников. С их помощью мы намеревались приобретать продукты для партизан и фураж для лошадей.

В решении обращалось особое внимание на подбор и подготовку людей из населения, которые могли бы иметь доступ в населённые пункты, где размещались немецкие гарнизоны, для разведки и диверсий.

Штаб закрепил за каждым ближайшим населённым пунктом отряды, которые проводили там разъяснительную работу и занимались сбором продуктов. К этому времени один из военнослужащих, принятых нами в отряд, Аркадий Винницкий, имевший гражданскую специальность радиста, смонтировал радиоприёмник. Питанием для него служили аккумуляторные батареи с разбитых немецких машин. Теперь каждый отряд

- 9 -

к вечеру имел сводку Совинформбюро. Они размножались от руки и доставлялись в населённые пункты.

Находясь на новом месте, отряды значительно расширили круг боевых действий. Теперь на боевые задания они уходили на 25 и более километров от места стоянки. К концу ноября каждый отряд имел по 3-5 лошадей с санями и упряжью. В некоторых отрядах появились миномёты с боеприпасами к ним.

В середине декабря я попросил Виноградова освободить меня от должности начальника штаба объединённого отряда. Просьба была удовлетворена. Я был назначен командиром Городищенского отряда, а начальником штаба - армейский капитан Марков.

В январе 1942 г. штаб получил указание всех военнослужащих, попавших в окружение и проживавших в населённых пунктах, собрать и направить в армию. В это время фронт находился от нас в ста километрах под г. Кировом, Калужской области. За короткое время было собрано и отправлено через линию фронта около ста человек. Переход этой группы осуществлял армейский лейтенант Смертин. Кроме того группа переправила большое количество денежных знаков, собранных в фонд обороны у населения.

После ухода Смертина за линию фронта меня назначили командиром этого отряда.

Находившийся в Улемьской даче отряд Берншта располгался у небольшой речки Овсорок в трёх километрах от деревни Пупково. В трёх километрах от него располагался наш отряд, в урочище Шахова будка. За р. Болвой против нашего отряда находились населённые пункты Любы, Большая и Малая Лукова, Романовка Дятьковского района. В трёх километрах от д. Новомишино, Жиздринского района, находился отряд Пуклина. Все эти отряды держали под своим контролем большую территорию Жиздринского района. Сведения о расположении немецких частей, их вооружении через штаб объединённого отряда передавались в штаб 10-ой армии. Вот как позже рассказывал о нас бывший работник разведотдела 10-ой армии, а ныне зам. министра внутренних дел Марелии М. Корчма.

-Трудно переоценить значение тех разведывательных данных, которые передавал на большую землю отряд А.И. Виноградова. Достаточно вспомнить линию фронта, образовавшуюся после разгрома фашистских армий под Москвой. Соединения 10-ой армии в ходе наступления вырвались далеко вперёд. Для немцев создавалась возможность из районов Ихнова и Жиздры ударом на Мещовск и Сухиничи окружить эти соединения. Освободившись от этой неотложной задачи изучать организацию противника перед фронтом 10-ой армии и

особенно на её планцах, выявлять намерения противника в этом районе. Поэтому разведывательные подразделения в отряде и на время стали считаться особой ценностью, тем более, что они подкреплялись живыми "языками".

Помимо этого отряды своими боевыми действиями отвлекали силы противника на себя. Они мешали немецким частям продвигаться к фронту, нарушали их линии связи, минировали дороги, по которым они двигались, устраивали налёты на места их расположения. Силами этих трёх отрядов было совершено дерзкое нападение на ж.д. станцию Судимир. Были подорваны и сожжены станция, водонапорная башня, введены из строя два паровоза, убито около 30-ти оккупантов. Немецкое командование знало, что успешным боям нашей армии способствуют партизаны, и принимало все меры, чтобы расправиться с ними. Их особенно беспокоил Дятковский район, в котором силами партизан бригады Орлова была восстановлена Советская власть.

Проводя операции против партизан, 1-го марта 1942 г. немцы неожиданно напали на отряд Берндта. Застигнутые врасплох, партизаны почти не приняв боя, покинули место стоянки и ушли от немцев в направлении леса. Услышав стрельбу, я вывел свой отряд на помощь Берндту но было уже поздно. Немцы не стали преследовать отряд. Они разрушили землянку, расстреляли бывших там раненых бойцов, сожгли дом лесника, который мы использовали под госпиталь. В нём более трех месяцев находились наши бойцы на излечении. Накануне партизаны отряда узнали, что немцы замечают что то, и за два дня до нападения перевели больных и раненых к себе в землянку, а семью лесника, кроме старшей дочери, которая осталась в отряде, отправили в село Любынь.

Оставшиеся бойцы отряда во главе с командованием полураздетые, плохо вооруженные на ночь ушли в Любынь. Остальные отряды остались на месте. 2-го марта день прошел спокойно. В отряде всё было подготовлено для отражения нападения. Все отряды были в полном составе. Никто никуда не уходил. Были усилены посты наблюдения на дальних подступах к отряду.

3-го марта в девятом часу утра посты наблюдения сообщили, что немцы большими силами движутся с двух направлений. Со стороны Улемля через деревни Романовку, Кукову и Любынь идёт человек 300, со стороны деревни Мишино - человек 400. Мы решили принять бой и продержаться до вечера. Уходить днём по полю в снегу без дорог значит было нести большие потери, а то и быть окончательно разгромленными. Я послал своего заместителя Торжа Ильяхина с бойцом Поляковым на лошади в отряд Пудлина с сообщением о нашем

Там же...
остатки...

В обсуждении изложенного материала участвовали и достоверность его подтверждают:

Бывшие командиры отрядов:
Гудаков Михаил Георгиевич,
Коренков Иван Сергеевич,
Шпацырев Тихон Федорович.

Бывший политрук отряда -
Борисенков Иван Григорьевич

Бывшие партизаны:
Гальпер Филипп Юрьевич
Рогожав Михаил Григорьевич
Глотов
Соболев

Бывший командир объединенного отряда -
Андреев Михаил Дмитриевич

Бывший секретарь подпольного горкома ВКП(б)
Гавриличев Григорий Григорьевич

Факт обсуждения подтверждаю - бывший начальник штаба отряда Коршунов Михаил Петрович.
